Поморское «советское виноградье»: практики и контексты символического сопротивления

ЮЛИЯ ИВАНОВНА КОВЫРШИНА[1]

✉ CHANELKING@MAIL.RU
ORCID: 0000-0002-1768-1346

[1] Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:
Ковыршина, Ю. И. (2020). Поморское «советское виноградье»: практики и контексты символического сопротивления. *Фольклор и антропология города*, *III* (3–4), 158–175. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-158-175.

В статье рассматривается феномен «советского виноградья», сложившегося в середине XX века на Поморском берегу Белого моря и сохранившегося в памяти жителей села Нюхча до наших дней. Тексты с обсценной лексикой, которые исполнялись на напев традиционных обрядовых величальных песен с рефреном «Виноградье красно-зеленое», появились как своеобразная реакция на «неправильные» с позиции традиционного жизненного уклада поморов рабочие ситуации в поморских колхозах в 1940–1970-е годы. Создателями и первыми исполнителями «советского виноградья» стали поморские девушки, трудившиеся без помощи мужчин на лесозаготовках в 1940-е годы; от них песни восприняли молодые поморы, в 1970-е годы вынужденные оставаться на тонях (рабочих избушках) на покосе во время простоя в непогоду под угрозой уголовного преследования за оставление места работы. На основе полевых записей и материалов интервью автор проводит различные концептуализации «советского виноградья», интерпретирует его появление, функции и связи с другими фольклорными жанрами, текстами и представлениями, бытовавшими в традиционной культуре Поморья. В рамках концепции Мэри Дуглас о взаимосвязи форм социальной жизни и когнитивных классификаций, основные положения которой были сформулированы в работе «Чистота и опасность», «советское виноградье» (как «неправильное», неприличное виноградье «не на своем месте») отразило отношение поморов к нарушениям традиционных конвенций о распределении времени на хозяйственные занятия в зависимости от погодных условий и половозрастных норм трудовых занятий в колхозах. В логике концепции символического сопротивления Джеймса Скотта «советское виноградье» в качестве «оружия слабых» выполняло функцию «скрытого транскрипта», выражавшего недовольство советской властью, символического сопротивления власти женщин/девушек в связи с «неправильными» с позиции традиционного жизненного уклада поморов рабочие ситуации в колхозе в 1940–1970-е годы.

Ключевые слова: Поморье, «советское виноградье», советские колхозы, традиционные конвенции, символическое сопротивление, М. Дуглас, Дж. Скотт.

Выражаю благодарность ведущему сотруднику по фольклору Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова Е. В. Самойловой за возможность ознакомиться с записями интервью поморских экспедиций и хранителю Фольклорного собрания РО ИРЛИ РАН Я. В. Нагорной за консультацию.

The "Soviet vinogradie" in Pomorye: Practices and contexts of symbolic resistance

Yulia I. Kovyrshina[1]

✉ chanelking@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1768-1346

[1] European University at Saint Petersburg, Russia

To cite:
Kovyrshina, Yu. (2020). The "Soviet vinogradie" in Pomorye: Practices and contexts of symbolic resistance *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(3–4), 158–175. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-158-175. (In Russian).

The paper dwells on the phenomenon of the "Soviet vinogradie" songs that emerged in the middle of the 20th century on the Pomor coast of the White Sea region and are preserved in the memory of the inhabitants of the village Nyukhcha to the present day. Obscene texts were sung to the tunes of traditional ritual songs and emerged as a reaction of some kind to the working situations in Soviet kolkhozes in the 1940s–70s, which were considered "wrong" from the perspective of the traditional lifestyle of the Pomors. The creators and first performers of the "Soviet vinogradie" were Pomor young women who worked as loggers without any male help during the 1940s; from them the songs were passed on to young Pomor men in the 1970s, who were forced to remain in workers' cabins during downtime in bad weather under the threat of criminal prosecution for leaving their workplace. The author suggests various conceptualizations of the "Soviet vinogradie" based on field recordings and interview materials, interprets the emergence of the genre, its functions and connections with other folklore genres, texts and representations that existed in the traditional culture of Pomorye. Within the framework of Mary Douglas's concept of the relationship between forms of social life and cognitive classifications, the main provisions of which were formulated in the work "Purity and Danger", the "Soviet vinogradie" (as "wrong", indecent songs "out of place") reflected the attitude of the Pomors to violations of traditional conventions on the allocation of time for economic activities depending on weather conditions as well as on age and gender norms of work in kolkhozes. Within the logic of the conception of symbolic resistance as written by James Scott, the "Soviet vinogradie" as a "weapon of the weak" performed the function of a "hidden transcript" expressing dissatisfaction with the Soviet regime and of symbolic resistance to the power of women / girls due to working situations in the kolkhozes in the 1940–70s that were seen as "wrong" from the perspective of traditional Pomorian lifestyle.

Keywords: Pomorye, "Soviet vinogradie", Soviet kolkhoz, traditional conventions, symbolic resistance, M. Douglas, J. Scott.

В 2003 году в ходе экспедиции в село Нюхча Беломорского района Республики Карелия мне с коллегами из Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН посчастливилось беседовать со многими яркими и знающими исполнителями. В одном из интервью наша информант упомянула о «советском виноградье», о котором собиратели раньше не слышали. Приведем фрагмент беседы.

[А пели ли здесь виноградье?] Виноградье-то, виноградье пели на свадьбе... Виноградье, да утушные, да это свадебные. [А виноградье помните?] [*Л. К. смеется*] да я не спою сейчас... [*поет*] «Виноградьё, ой, да, красно-зеленоё, да...» Мама пела. [Это пели на свадьбах, да?] А я только знаю советское виноградье, десять

лет не учила [*смеется*]. Но я петь вам не буду, потому что это пойдет в эфир. [*Собиратели уговаривают спеть.*] Грех большой. [Почему?] Вот советское виноградье, в 42-м году в лесу девушки работали 16–18-летние, у них там было советское виноградье. Ну, то же там самое, поют матюгливые частушки. Оно и начинается: «Не споём ли-ко, ребята, песню с голых матюгов» [*поет*] «Виноградьё, ой, да, красно-зелёное» [*Собиратели уговаривают спеть.*] Поются матюгливые частушки. [Хоть одну спойте. *Собиратели уговаривают спеть.*] Вот так начинается [*поет*]

«Не споём ли-ко, ребята (девчата)
Песню с голых матюгов, да,
Виноградьё, ой, красно-зелёное».

[*поет строфу с обсценной лексикой, смеется*] [А дальше?] А я дальше не помню [*смеется*]. Раньше мать говорила: если женщина... Вот я расскажу вам... Я рыбачила, с этим, с Александром Григорьевичем. Мне 15 лет. И, значить, вот кидаешь закол[1], а силы-то нету! Закол надо затянуть, вода идет встречу, затянуть закол надо-то силы-то много: «А, леший, а, леший!» А он мне говорит: «Любушка, не ле́шкайся, в море не ле́шкаются, лучше матюгнись». Ну и вот, тянешь закол. Сашка Зарубин, на год меня старше, стоит на шесте, держит ка́рбас, а я вытяга́ю. И вот мы уже не ле́шкаемся: «Иии!..» Только произнеси матюг — и сила появится [*смеется*]. Ну и вот, я и научилась матюгаться... И научилась матюгаться... Ну и вот я приехала на выходной в баню, стою здесь посуду мою на этом месте. А мать там сидит, говорит: «Вот Анфисья Михайловна идет». А я ей: «... несёт». — «Любка! Ты ошалела! Ты матюгаисся!» На меня. Я ей: «Мама, меня Александр Григорьевич научил: чем ле́шкаться, лучше матюгаться». [А женщинам нельзя было...] Вот она и говорит: что женщина матюгнется, так Пресвята госпожа Богородица на престоле шатается. [Правда?] Да. Теперь женщины, выйди-ко в деревне, как матюгаются. Я так позавчера ходила за маслом, услышала, так у меня голова день болела, как матюгаются. Сидит с мужчинами, ну, видимо, выпивают. И из матери в мать... Дежурная по станции. Ой, Господи. Я пришла домой, меня вот так всю. Ну раньше-то... девки наши матюгались, вот нюхотские, в лесу опять же, шесть метров-то ведь надо было выработать. А силушки-то, тоже 16–17-годовые, дак, конечно, не было, дак. Может быть, это от голода, может [*смеется*], от интереса. Не знаю. В общем, по крайней мере матюгливые частушки пели. [Так их везде пели, не только у вас.] Нюхоцкие девки, если идут с делянки, слышно было. [Вы поете частушки, да?] Всяки частушки. Всяки. [Их можно понять. На советскую действительность-то...] Да. [И на эти работы, на эту жизнь, так...] Вот на эту жись они складывали и пели и... Вместо мужчин остались[2].

В 2009 году о «советском винограде» в Нюхче та же информант рассказывала санкт-петербургскому этномузыкологу Е. В. Самойловой. Свадебного виноградья Л. К. не вспомнила, а про советское упомянула, что слышала его в десятилетнем возрасте (то есть примерно в 1942 году) от девушек на лесозаготовках в 27 км от Нюхчи. В одной из шести женских бригад работала в те годы сестра информантки, которой она возила провизию. В столовой девушек кормили крапивным супом и давали 400-граммовую пайку. Вечером, возвращаясь с делянки домой, они пели песни и частушки и сложили «советское виноградье», потому что

[1] Закол — сооружение из хвороста, перегораживающее реку и имеющее ловушку в отверстиях-тайниках, которых могло быть до двенадцати [Бернштам 1978: 104].

[2] Л. К., ж., 1932. Запись в с. Нюхча 03.07.2003 г. В. П. Кузнецовой и Ю. И. Ковыршиной. Фонограммархив Института языка и литературы Карельского научного центра РАН (далее — ФА ИЯЛИ), б/н, 2003 г., кассета № 2, сторона А.

в бригадах не было мужчин. Это объяснение Л. К. возможно понимать двояко: девушки могли петь виноградье, потому что в присутствии мужчин они бы себе исполнения обсценных текстов не позволили, или же они сочинили его от безысходности, оттого, что вынуждены были работать в бригадах без мужчин, и это было очень трудно. Л. К. предположила также, что «советские виноградья» («120 частушек, может быть, 90, может быть, две») могли складывать рыбаки на тонях («в избах»), пел «советское виноградье» односельчанин («когда шутят да смеются в компании, всякое бывает»), и резюмировала: «Но оно такое нехорошее виноградье, матюгливое», «да матюгливы частушки», «так оно и называлось — советско виноградье, потому что при советской власти». После долгих уговоров Л. К. спела четыре строфы «советского виноградья», отказавшись петь дальше, потому что «искусство-то искусство, но очень нахально, богохульно… У меня сердце заболит, я потом ночь спать не буду, я потом неделю думать буду, что "что я натворила!" Я вот [*нрзб.* имя] спела три или четыре частушки, ей, конечно, было интересно и смешно. А я потом болела. Не, не буду»[3].

В 2013 году участники экспедиции Фонда Juminkeko[4] в Западное Поморье услышали рассказ о «советском виноградье» и ансамблевое исполнение более десяти его строф от трех жительниц села Нюхча 1945–1960-х годов рождения.

[Мы говорили про советское виноградье] [Инф. 1:] Ух ты [*смеется*]. [Вот что это такое?] [Инф. 1:] Матюгливы частушки. [Спойте, пожалуйста.] [*Инф. 1 смеется.*] [Это самое интересное. Спойте, пожалуйста. Больше нигде ведь этого не услышишь]. [*Инф. 1, Инф. 2, Инф. 3 смеются.*] [Инф. 2:] Там же одни матюги. [Ну ведь это и есть суть этой песни. Ничего здесь страшного нет. Это очень интересно (*рассказывает, что в Финляндии проводятся конференции, посвященные песням с обсценной лексикой*).] [Инф. 1:] Мы сейчас об этом говорили… Вот когда ездила на майский семинар, вот, я узнала, что в Финляндии ежегодно проводится конкурс вот таких нецензурных частушек. И вот я как раз девушкам говорю: «Давайте, если сейчас мы создадим свои паспорта и заявку дадим, со своим советским виноградьем всем бурановским бабушкам, всех укатаем» [*Инф. 1, Инф. 2, Инф. 3 смеются.*] [Инф. 1:] Потому что этих советского виноградья их было сто частушек. Оно было записано. Да, да, у нас уже немного осталось, что мы знаем, но они были написаны, когда, вот, уже церковь порушена была, вот, потому что разгул такой пошел, понимаете, да, культурный развал, вот. И как раз в это время получалось, что рыбаков на промысел отправляли, мужчины молодые. А раньше же как: уедут, дело свое сделают — сами себе хозяева, да. Приехал ты или не приехал — это твое дело. А когда в колхозе, очень часто и так же на сенокосе было, вот, лежат, в Руйгу уедут на сенокос, да, и если дождь неделю — выехать боятся, потому что в тюрьму посадят за то, что сенокос покинул, а вдруг уедешь — распогодится. И… получается, что, вот, лежали молодежь в Руйге, они как-то неделю свадьбу играли, целую неделю играли, у них там колдуны были, портёжники[5], всё вот, полностью. [А что это такое? То есть это как бы шутейная свадьба?] [Инф. 1:] Да, шутейная, делать нечего, они неделю свадьбу играли. [И у них там были колдуны, там?] [Инф. 1:] Всё, всё, всё было, ролевая полностью свадьба, вот. Сами спектакль, распределились, кто кто будет. Жених с невестой. Есть родители, ходили свататься, кто будет крестной. Кто будет портёжником. Это те, которые ме-

[3] Л. К., ж., 1932. Запись в с. Нюхча 09.06.2009 г. Е. В. Самойловой. АФЭЦ, Основной аудиофонд, 251-А005.

[4] Руководитель экспедиции П. Хутту-Хилтунен, участники: Я. Ниеми, М. Каллберг, М. Кеммпинен, Я. Сеппянен, В. П. Миронова, Ю. И. Ковыршина.

[5] Наводившие порчу на свадьбу, колдуны.

шают… Они и пропевали… Они пошли на работу, они были в рабочем. Может, они что-то и делали, занавеску… И… так же получалось, что вот они лежат неделю там, зовут они эти «сто частушек в голове придумано». У них было не только «сто частушек в голове придумано», у них было еще… из… вот, по селу из дома в дом, про каждого хозяина была частушка. У кого какие особенности, вот. И вот, это советское виноградье, оно тех времен. [Это какие годы примерно? 30-е, 40-е?] [Инф. 1:] Ну да. [До войны, наверное? Советское время до войны… А что из этого помните, из этих ста частушек?] [Инф. 2:] Оно идет, я не знаю, как, настоящее-то виноградье… Виноградиё… [Инф. 1 и Инф. 2, затем с Инф. 3:]

…красно-зелёноё, да[6],
Виноградиё ведь (?) спеть, да, надо на хер сесть.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Батька за сеном поехал, хером за угол задел.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Выворачивай, ебёна мать, да ты куды, на хуй, глядел.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Шёл я лесом, лесиком, нашёл пизду с колесиком,

Виноградиё, ой, красно-зелёное,
Колесико вертелосе, а мне пизды хотелосе.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Не дадим пизды ребятам, пускай голодом сидят,

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Шёл я лесом, видел хату, кочерга ебёт лопату.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
А ухват стоит, смеётся, пусть лопата наебётся.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Я ебуся лучше гуся, гусь ебётся галится[7],

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Гусь ебётся, галится, ему пизда не нравится.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да…
Шёл я лесом, видел беса, бес в высоких сапогах,

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Бес в высоких сапогах, да пизда рыжая в зубах.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Как на ели, на ели кукушки еблю завели.

Локальный напев виноградья 1

Локальный напев виноградья 2

QR 1–2

[6] Локальный напев виноградья можно услышать в видеозаписи исполнения ансамбля села Нюхча, размещенной на сайте Центра поморской культуры (г. Беломорск) по ссылке: [https://pomorskibereg.ru/selo-nyuxcha]; на YouTube: [https://www.youtube.com/watch?v=9DrNFajuXGQ].

[7] В «Словаре русских народных говоров» приведены четыре различных значения слова «галиться». В контексте содержания приведенной строфы советского виноградья представляется наиболее вероятным значение 1.4. «Капризничать, плакать, кричать (о детях)» [Сороколетов, Марецкая и др. 1979: 112–113].

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
На самой на макушечке ебутся две кукушечки.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
Я бывала молода, я бывала резва, ой,

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да,
На завалинке сидела, в пизду мышь залезла.

Виноградиё, ой, красно-зелёное, да...

[Инф. 1:] Получается, что вот эта запевка идет, да, и сама частушка делится на две части. [То есть на основе частушек, как они назывались, «с картинками» или как?] [Инф. 1:] Четыре строчки, а они делятся на две. [Почему это называется виноградье?] [Инф. 1:] Потому что на этот мотив. [Чем вот так он вот глянулся?] [Инф. 1:] Есть виноградье обычное, а советское — в советское время. [Почему именно виноградье глянулось? Это ведь старинные песни. Они кому пелись?] [Инф. 1:] Во время святок пелись и на свадьбе. [Инф. 2:] Я просто первый раз услышала у мамы на юбилее, давно, лет сто назад. [То есть бабушки знали?] [Инф. 2:] Да, они знали, одна запела, вторая подпела, третья еще какую-то частушку вспомнила. И мы оттуда и услышали, советское виноградье. Лет двадцать пять назад. [Инф. 1:] Раньше, видите.... У меня даже тетрадка есть. «Как у Савушки загорелся завод»... У меня записаны эти тексты... Вот их две песни. «Загорелся раз у Савушки завод» и написано «Когда подожгли мельницу» ‹...› Ну, тут у меня, видите... надо ее переписать [читает текст по тетради]:

Загорелся раз у Савушки завод,
Выбегает тут Сапоня без порток,

Выбегает сам Сапоня без порток...
Он бежит, бежит, попярдывает,
На себя портки надяргивает.

Выбегает тут Сапоня (его жена) впопыхах,
Вытягает Пашу-волка за рукав.

То есть, вы видите, что они все прозвищами. Мне ее расписать, потому что она записана, иногда бывает, что не по порядку. Записать. И потом черновые записи у меня недоработаны. Вот эта первая. Когда вот этот завод мельничный был вначале в Борисках, там до сих пор эти... валяются жернова. [А это где?] [Инф. 1:] Это вот вверх по реке, да. Вот. И еще второе «Загорелся как у Осюшки раз дом», то есть, вот где живет... Корельская... эта... Володюшка Корельский, тети Маруси [*нрзб. фамилия*] баня. Под этой баней у них был дом, огород. И вот там был небольшой такой домик, ну... комната и коридор. И туда, вот я говорила, что хуторляне, кутовляне, да Малый Посад, Заручей, значит, Остров и Нижний Остров. И вот в Малом Посаде в этом у Оськи как раз собирались на вечерину хуторляне[8]. Вот у каждой был дом. Собирались у бабушки Матрены, бабушки Матрены, вот, высокий дом такой, все на возвышенности. А туда у Оськи собирались... ‹...›[9]

[*читает по тетради*]:

Загорелся как-то у Осюшки раз дом,
Выбегает тут Ворониха с ведром.

[8] Хутор, Кут, Малый Посад, Заручей, Остров, Нижний Остров — части села Нюхча: «…Нюхча [делилась] на большую и малую часть, каждую из которых составляли соответственно Куток (Низ), Верховье, Посад, Верхний Остров и Малый Посад, Заруцей, Чаванка» [Бернштам 1982: 20]. Молодежь каждой части устраивала свои вечеринки.

[9] Здесь и далее знаком ‹…› отмечены исключенные из расшифровки фрагменты интервью, содержащие информацию о жителях села Нюхча.

Это, значит, за стенкой они жили. Ворониха — соседка она.

На пожар машину тащат второпях,
Сашу Ярычева тянут на санях.
‹…›
Был пожарником Никифорка Филат,
‹…›
По пожару ни фига не понимат,
Заморозил у машины рукава,
И машина ничего не забрала.
Долго бились у машины с рукавом,
Той порой сгорел у Осюшки весь дом.
Весь народ разволновалися,
На пожарника ругалися.
‹…›
Кутовляне стали плакать и рыдать:
«Где же, где же нам вечорушко собрать?»

То есть говорили, что избенка у него была такая худая, в общем-то, и поэтому такого большого стресса никто не испытал. Ну вот. Они начали рыдать из-за того, что их никто не пускал [*смеются*].
‹…›
И еще рядом с Сережей Корельским, эта бабушка Киселиха там жила, тети Маруси, так.., про нее было, что, частушка такая, что:

Киселиха весела, наварила киселя,
А кисель сердит, с киселя пердит.

Про многих верховлян были частушки. <…> Из дома в дом, якобы тоже, вот, как виноградья они переходили, да. И вот такая:

Поворотим-ко направо поворот, да,
Мы постоимся у Филатковых ворот,
Раньше Филя поминальники сбирал,
А Филатка на печи часто лежал.
Прозвала невестка Филю богачом,
А Филатиха назвала венгачом.

[А венгач — это что?] [Инф. 1:] Венгач — лентяй. Лень даже поминальники сбирать, дак. [А поминальники?] [Инф. 1:] Поминальники — это милостыню ходили собирать… Вот тоже еще была складыня такая:

Трубу точиво украли, ведро масла унесли,
Деньги были, больше масла не хочу.

То есть забрались, унесли трубу, рулон вот этого точива, ведро масла унесли и в соседний дом пошли, значит, и приказали Феклу Степишну везти. А у Добрынихи на задворках складыню завели. То есть сочинили вот это, и потом пришли хозяевам сказали, что мы у вас ведро масла утащили, точиво, всё, но вернем, вот, девушку, пожалуйста, к соседям отведите, чтобы молодые люди там поговорили, познакомились, в общем, вот… Такие складыни. Ну, вот, когда хухольничали ходили. Они свои действия потом выражали вот в таких вот песнях. Складыню, да… пропевали…[10]

[10] Инф. 1: ж., 1958; Инф. 2: ж., 1961; Инф. 3: ж., 1958. Архив Фонда Juminkeko. Запись 711_0166. Запись 11.09.2013, с. Нюхча Беломорского района Республики Карелия. Собиратели: Maari Kallberg, Ю. Ковыршина.

Что же такое «советское виноградье»? Что мы можем узнать о нем из рассказов жительниц Нюхчи? Как можем интерпретировать его появление и функции в традиции?

Приведенные пространные фрагменты интервью могут, как представляется, показать смысловые связи «советского виноградья» с другими фольклорными жанрами, текстами и представлениями, бытовавшими в традиционной культуре Нюхчи.

1. Традиционное виноградье в Поморье

Традиционное виноградье — обрядовая величальная песня с рефреном «Виноградье красно-зеленое», исполнявшаяся в разных русских традициях во время святочных обходов домов[11]. Как отмечает Т. А. Бернштам, виноградье «являлось древней обходной песней и выполняло функцию магического „припевания и заклинания брака“ — будущего и свершившегося» [Бернштам 1983: 159], а обрядовый комплекс виноградья был связан «с обрядовой жизнью определенной половозрастной группы неженатой молодежи, состоящей из девушек-невест и парней-женихов» [Бернштам, Лапин 1981: 18]. Функционирование виноградий в качестве припеваний женихов и невест определило переход песен в свадебную обрядность в некоторых районах Русского Севера. Так, в Поморье бытовали не только святочные, но и виноградья с функцией свадебно-вечериночных песен[12]. В поморских локальных свадебных традициях песенная форма виноградья, как обнаруживает В. А. Лапин, стала «порождающей моделью», выполняла роль интегрирующей музыкально-песенной формы, оказавшей «структурное воздействие на свадебные песни и способствовавшей превращению их в единую, достаточно цельную систему» [Там же: 99][13].

Святочные виноградья, которыми девушки, обходившие дворы в святки, припевали живущему в доме жениху невесту или невесте жениха[14], в приведенных нами фрагментах интервью только упоминаются[15], тексты свадебного виноградья информантам не вспомнились (хотя они и записывались в 2000-е годы[16]), но хорошо сохранился их напев, с которым исполнялись и «советские виноградья».

«Советское виноградье» — это тексты частушек эротического содержания с обсценной лексикой, распетые на напев традиционного виноградья[17]. Их строфы разделены на строки попарно с добавлением рефрена

[11] На Русском Севере была произведена бóльшая часть всех записей виноградий [Бернштам, Лапин 1981: 8]. Выявлению специфических черт обрядового исполнения виноградий, их функционально-смыслового содержания, происхождения и места в обрядовом фольклоре и в связи с другими традиционными жанрами было посвящено масштабное исследование Т. А. Бернштам и В. А. Лапина «Виноградье — песня и обряд» [Бернштам, Лапин 1981].

[12] Свадебные виноградья также записывали и на соседних территориях — Вологодчине, точечно — в селах по рекам Онеге и Пинеге, в Холмогорском районе [Бернштам, Лапин 1981: 10].

[13] О функционировании виноградья в музыкально-фольклорной системе Поморья и в связи со свадебными песнями см.: [Лапин 2010: 27, 35, 38–40].

[14] Особая роль девушек — исполнительниц виноградий в святки — определялась пониманием святочного периода как важного этапа в предбрачной обрядности.

[15] На Поморском и юге Карельского берегов Белого моря святочные виноградья были известны в конце XIX века, но основным районом их бытования были низовья Северной Двины, Терский, Летний и Зимний берега Белого моря (то есть территории бывшей Двинской земли) [см. об этом: Бернштам, Лапин 1981; Бернштам 1983: 159].

[16] Сообщено Е. В. Самойловой.

[17] Близкие варианты текстов «матюгливых» частушек советского виноградья см. в публикациях современных записей А. В. Кулагиной в издании «Русский эротический фольклор» [см.: Кулагина 1995: 450, строфа 91; 463, строфа 214; 474, строфа 316].

«Виноградье красно-зеленое». Тексты этих частушек содержательно никак не касаются советского уклада жизни, не содержат критики и пр. В поморской традиции бытовали и виноградье, и частушки (в том числе «матюгливые»), однако до 1940-х годов они не соединялись. Очевидно, что в это время в жизни поморского села сложились обстоятельства, сделавшие возможным появление гибрида виноградья и обсценных частушек.

Традиционное виноградье в Поморье исполнялось в конце XIX — первой половине / второй трети XX века представителями разных половозрастных групп, но, прежде всего, девушками. И создателями «советского виноградья» в начале 1940-х годов, по-видимому, стали молодые девушки, работавшие на лесозаготовках, от них позднее восприняли тексты нюхчанки 1940–1960-х годов рождения. Молодые люди, певшие «советское виноградье» в Руйге в 1960–1970-х годах, с большой вероятностью уже слышали его раньше и ввели в игру в свадьбу.

Теоретически замена традиционных текстов строф виноградья обсценными могла бы произойти в контексте святочных увеселений молодежи. Пародийные свадьбы, которыми развлекались молодые люди в святки, в том числе с играми эротического содержания, — явление широко распространенное, в том числе на Русском Севере[18]. Однако рассказов о таких пародийных свадьбах в Нюхче не записывалось, как и не происходило частушечного «превращения» виноградья. До момента, пока молодежь не оказалась на тоне в Руйге.

2. Поморье: мужские и женские занятия

И на лесозаготовках, и на сенокосе в Руйге «советское виноградье» сочиняли девушки, которые и традиционно пели святочные и свадебные поздравительные песни, — в Поморье это был жанр женской сферы фольклорного исполнительства. Исполнение «советского виноградья» мужчинами на тонях или в компаниях остается предположением Л. К. Кроме того, исполнительница указывала, что девушки сочинили эти тексты, потому что рядом с ними на работах не было мужчин, они остались вместо них. А если бы мужчины были? Такие виноградья (или «матюгливые частушки») пели бы мужчины? Или девушки в присутствии мужчин не стали бы петь эротические обсценные частушки? Или в этом случае девушек вообще не было бы на лесозаготовках?

В Поморье женщины на длительное время оставались в селах с детьми и стариками на то время, когда мужчины были на промысле. Они вели прибрежный лов рыбы, решали все необходимые хозяйственные задачи, исполняли административные должности и были относительно равноправны с мужчинами. Но девушки-поморки не участвовали в лесозаготовках с их нормами выработки и скудной провизией. Это указание Л. К. на отсутствие мужчин, замену мужчин девушками и возможность исполнения «советского виноградья» мужчинами видится важным для понимания регулятивных механизмов традиции и цензуры вновь появляющихся в ней текстов. Нарушение традиционного уклада хозяйственной деятельности в колхозах привело к перверсии половозрастных норм в бытовании традиционных фольклорных жанров. *Советское виноградье сочинили девушки, которые вынужденно оказались в роли мужчин, взяв на себя их трудовые обязанности*. И они исполняли виноградье, которое принадлежало их

[18] См. об этом, например: [Лурье 1995: 222; Альбинский, Шумов 1995: 224].

половозрастному репертуару с текстами, которые допустимы для мужчин. Это в некотором смысле «мужское» виноградье, каким и хотела его представить Л. К.

3. Женщины и обсценная лексика: правила и нарушения правил

Л. К. в обоих приведенных фрагментах интервью 2003 и 2009 годов отказывается петь больше пары строф и настойчиво говорит о недопустимости использования обсценной лексики женщинами (тем более — молодыми девушками). Для нее сам факт употребления мата женщинами и исполнение «советского виноградья» становится источником сильного физического дискомфорта. Позиция Л. К. опирается на традиционные представления о норме поведения женщины в поморском сельском сообществе, не допускавшей сквернословия. Мат был скорее характеристикой мужского поведения. Это ограничение тем более значимо для старообрядчества, которое было распространено в Поморье. Использование женщинами мата угрожало существованию христианского мира («женщина матюгнется, так Пресвята госпожа Богородица на престоле шатается»)[19].

Как мы понимаем из рассказа Л. К., женщины (и даже девочки-подростки) использовали (и используют) мат, но в определенных ситуациях. Это, прежде всего, промысловое сквернословие. Описание «научения» зуйков[20] опытным помором использованию мата во время лова в рассказе Л. К. очень выразительно. В том же эпизоде ярко показано столкновение двух ситуационных моделей употребления обсценной лексики — допустимой и недопустимой: мат предпочтительнее других ругательств во время лова, но он угрожает Богородице, если употреблен дома, тем более в присутствии матери и без какой-либо причины.

Следует отметить, что промысловое сквернословие как язык общения с хозяевами стихий наряду с магическими практиками рыбаков Поморья — важная черта поморской культуры[21]. К. К. Логинов в статье, посвященной рыболовству в Нюхче, отмечал целый ряд ситуаций, связанных с промыслом, в которых женщины (и мужчины) вполне легально могли использовать мат: «Одним из негативных моментов участия в морском промысле детей и женщин стало появление у них привычки ругаться матом. Чертыхаться и лешкаться (вспоминать лешего или лембоя) на море категорически запрещалось, а вот русский мат считался благоприятствующим лову (НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 6, д. 679, л. 28, 43). У женщин, которые в море не ходили, употребление товарками и детьми ненормативной лексики вызывало

[19] Подобная мотивация запрета на сквернословие женщин широко распространена в традиционной культуре. См., например, высказывание жителя Анциферова Бора (Поонежье): «Теща, бывало, говорит: “Ой, нонь ведь как женщины заматюгаются — Пресвятая Богородица на престоле не может устоять“. Мужики матюгались, но мало. Вот у меня четыре сына, а я не матюгался. Так они при мне и не матюгаются — стесняются, наверно» [Не век жить… 2011: 285].

[20] Зуйками (среди прочих значений слова) в Поморье называли (мальчиков-)подростков, участвовавших в промысловом лове в качестве поваров (судовых коков), выполнявших сушку сетей и снастей, следивших за порядком в хозяйстве промысловиков и пр. См.: словарную статью «2. Зуёк» [Сороколетов, Балаханова и др. 1977: 22].

[21] Т. А. Бернштам приводит описания архаических обережных ритуалов на воде, среди которых и распространенный у поморов-старообрядцев ритуал кормления водяного бросанием в воду табака, сопровождавшийся бранью. В этом случае табак и брань как принадлежащие символическому пространству «нечистого» должны были понравиться адресату [Бернштам 1983: 175–176]. Со ссылкой на издание: Оленев, И. В. (2017). *Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Путевые очерки*, 50. Гельсингфорс. Добавим, что у старообрядцев, в том числе в Поморье, была широко распространена легенда о происхождении табака от блудницы, а курение табака стояло в одном ряду со сквернословием (о легенде о табаке см. также [Успенский 1996: 58]).

неприятие. Говорили: „Когда женщина матом выругается, Пресвятая Богородица на своем престоле покачнется“. К мужчинам это не относилось. Человека с недобрым глазом, если вслед посмотрел, мужчины, что называется, „крыли матом“. При уходе на лов на уду морского кореха или наваги мужику, например, следовало посылать свою жену на три буквы, чтобы наловить никак не меньше, чем два пуда» [Логинов 2010: 61].

Добавим к этому стоящие в одном ряду с употреблением обсценной лексики для общения с водяным ритуалы заклинания других важных демонологических персонажей в поморской культуре — ветров, в которых главными участниками были женщины, совершавшие, кроме всего прочего, и действия с выраженным эротическим содержанием. Вызывая ветер во время морского перехода, женщины свистели и распускали волосы, закрывали ими лицо. Так они приобретали облик существа иного мира и оказывались в коммуникативной позиции, из которой можно было быть услышанным ветром (свистеть, то есть говорить на его «языке», выглядеть как демонологический персонаж). В традиционных представлениях поморов ветры обладали повышенной сексуальной энергией и часто имели некрасивых или сварливых жен. Привлекая ветер, женщины-поморки задирали подол сарафанов, стучали себя по промежности. В селе Поньгома (на Карельском берегу Белого моря) во время сенокоса женщины, чтобы их мужья благополучно вернулись с промысла и им был попутный ветер («поветерь пала»), совершали ритуал «Сига варить»: вставали на руки вверх ногами (отчего оголялась нижняя часть их тел) и свистели, призывая ветер [Ковыршина 2007].

«Советское виноградье» исполняли, как сообщили информанты, на тонях на сенокосе и по дороге из леса в село, то есть в пространствах, где контакт с демонологическими персонажами — хозяевами моря и леса, — был возможен. «Матюгливые частушки» могли бы звучать по дороге из леса в село или в избе во время святочных увеселений молодежи, но они не были органичны на тоне. Не было никакого календарного периода, ритуала или обоснования использования подобных текстов в случае с «советским виноградьем». Тем более «советское виноградье» вызывало смущение нюхчанок, когда его просили исполнить собиратели.

Обоснование использования обсценной лексики в «советском виноградье» реакцией на условия жизни нюхотских женщин во время советской власти — неоднозначный момент в беседах с информантами. В интервью с Л. К. собиратель фактически подталкивает ее к объяснению сочинения «матюгливых частушек» тяжелой жизнью девушек на лесозаготовках в 1942 году. Хотя мотивировки этой объяснительной логики в словах информантки были (крапивный суп и пайка, молодые девушки на трудной работе без мужчин), реальность содержательно в «советском виноградье» не отражалась никак. Сочинение «советского виноградья» воспринимается как реакция женщин на тяжелые условия труда без описания самой ситуации в поэтических текстах и немногих указаниях на нее в комментариях информантов в интервью. Одна из жительниц Нюхчи, в своем отношении к использованию мата женщинами занимавшая близкую Л. К. позицию, в интервью 2013 года объясняла пение матерных частушек желанием женщин как-то себя развлечь в трудные времена.

> Мы решили в Финляндию поехать на конкурс, у вас, говорят, есть там конкурс хулиганских песен, возьмите нас! Мы будем первыми там! [*смеется*] Там такая песня. Я, может быть, в те годы училась, но после войны же было тяжело людям жить! Все вдовы, помногу детей в семье. И вот как-то себя развлечь, они вот это хулигани-

ли, будем говорить. Ой, там комедия! В какой-то день шли с репетиции, стали это петь. Получилось, получилось. Я не буду это петь, я это не признаю. Выучить-то выучу, если поеду на фестиваль. А так-то ничего не знаю[22].

В связи с этим комментарием «советское виноградье» предстает как *феномен смеховой культуры*, для которой использование обсценной лексики и нарушение культурных запретов допустимо и естественно. А. Г. Козинцев полагает, что «смех и юмор смягчали, а возможно, и продолжают смягчать стрессогенное воздействие речи и культуры» [Козинцев 2007: 122] и возвращали человека к докультурному, доречевому состоянию, освобождая от норм морали, этикета, здравого смысла [Там же: 127–128]. С помощью «советского виноградья» девушки и женщины могли на время смехом снять тяготившие запреты и нормы мира реального.

4. Виноградье «не на своем месте»

Несколько иное объяснение появления «советского виноградья» предлагают нюхчанки в интервью 2013 года: это своего рода протест (хотя само слово не звучит в разговоре) против нарушения традиционного уклада промысловой жизни поморов. Оставаться на тонях во время дождя бесполезно и бессмысленно, а уйти домой невозможно из-за угрозы уголовного преследования. Виноградье во время игры в свадьбу было бы уместным в рамках святочных развлечений молодежи (с традиционными или эротическими обсценными текстами?), пародийная свадьба — распространенное развлечение молодежи, как и эротические игры и исполнение эротических частушек. Для молодежи, оставшейся без надзора старших в замкнутом пространстве, такие игры вполне логичны. Но они происходили обычно в особый временной период народного календаря, когда границы с иным миром открыты и существуют допущения развлечениям молодежи, но не было святок для таких виноградий летом. «Советское виноградье» в Руйге — это «свадьба вне свадьбы», «святки вне святок», игра в свадьбу вне святочных развлечений.

Иными словами, не те люди (девушки, а не мужчины) используют не те слова (обсценная лексика) не в тех ситуациях (это не промысел и не святки, это тяжелая работа вне промыслово-хозяйственного уклада поморов). «Советское» для «советского виноградья» — это то, что существует в традиции, но находится не на своем месте, потому что нарушает логику традиционного уклада жизни и народного календаря поморов. «Советское виноградье», гипотетически возможное при определенных условиях в традиции, — это *виноградье* или «матюгливые частушки» *не на своем месте*.

Положение «советского виноградья» «не на своем месте» в традиции подталкивает нас к его интерпретации в рамках концепции Мэри Дуглас о взаимосвязи форм социальной жизни и когнитивных классификаций. В своей работе «Чистота и опасность» Мэри Дуглас неоднократно отмечает, что наши представления о «грязном», «нечистом» определяются двумя факторами — заботой о гигиене и выполнением социальных конвенций о границах чистого и нечистого [Дуглас 2000: 29]. Нечистота, грязь — это «по сути беспорядок» [Там же: 29], «то, что не на своем месте ‹…› то, чего не должно быть, если надо сохранить образец» [Там же: 71]. Вместе с тем это понятие

[22] А. Д., ж., 1938, род. с. Нюхча. Запись 11.09.2013 г. в с. Нюхча Беломорского района Республики Карелия. Архив Фонда Juminkeko. Запись 711_0165. Собиратели: Pekka Huttu-Hiltunen, Jarkko Niemi, Maari Kallberg, Janne Seppänen, Mirja Kemppinen, Ю. Ковыршина.

относительное: «Ботинки грязные не сами по себе, но когда их ставят на обеденный стол; еда сама по себе не грязная, но грязно, когда немытую посуду бросают в спальне или пачкают едой одежду; точно так же грязь — это принадлежности ванной комнаты, брошенные в гостиной; одежда, валяющаяся на стульях; уличные предметы внутри дома; вещи с чердака, оказавшиеся внизу; нижнее белье там, где следует быть в верхней одежде; и т. д. То есть, в двух словах, наше поведение, касающееся нечистоты, — это реакция, отторгающая любые предметы или идеи, не отвечающие или противоречащие значимым для нас классификациям» [Там же: 65–66].

В этой логике порядок в поморской культуре — это в том числе разделяемые всеми членами сельской общины представления о нормативности исполнения святочных или свадебных виноградий с традиционными текстами и напевами в рамках соответствующих ритуалов, а обсценных частушек — в мужских компаниях и в контексте праздников и застолий; это представления об эффективном распределении времени на хозяйственные занятия в зависимости от времени года и погодных условий; это конвенции о половозрастных нормах поведения и распределении труда. В «советском виноградье» традиционные конвенции о месте и времени исполнения разных жанров, допустимости использования мата женщинами оказываются нарушены, и это виноградье звучит «не там, не тогда, не так». И появилось оно (как отмечают информанты) оттого, что не тех людей (девушек, а не мужчин) заставляли заниматься не их занятиями (лесозаготовками) или молодых поморов вынуждали совершенно бесполезно находиться на тонях без работы. «Советское виноградье» — это реакция на те самые «ботинки на обеденном столе» в описании Мэри Дуглас, которые сделала нормой советская власть. Нарушение традиционного уклада жизни поморов в советское время выразилось в изменении взаимного положения элементов традиционных жанров и контекстов их бытования в «советском виноградье». «Советское виноградье» стало музыкально-фольклорной метафорой советской колхозной жизни в Поморье. Многоуровневым нарушением порядка, как представляется, и определяется «нечистота», «неприличность» «советского виноградья», а «советское» получает дополнительные коннотации как «нечистое», «оскверняющее» традиционный порядок, нелогичное, угрожающее и приносящее вред.

Мэри Дуглас отмечала, что грязь, возникнув как побочный продукт выстраивания порядка и классификации материи, пройдя процесс дифференциации, на конечной стадии своего существования вновь становится бесформенной. И в этой бесформенности грязи парадоксально содержится не только опасность деструкции, но и созидательная сила, противопоставленная твердости, категориальной непротиворечивости и бескомпромиссности чистоты [Дуглас 2000: 65, 236–238]. Если бы не было колхозных правил и запретов, не появилось бы возмущение ими поморов и не возникло бы «советское виноградье» — чрезвычайно изобретательно устроенная и в то же время очень простая фольклорная песня, по-своему отразившая логику «нечистой» советской жизни.

5. «Советское виноградье»: межжанровые связи

Любопытно, как в интервью 2013 года информантки вписывают «советское виноградье» в традицию, устанавливая связи с другими фольклорными жанрами и контекстами исполнения обсценных текстов молодежью. Аналогию «советскому виноградью» они видят в прозвищных шуточных песнях, распространенных в Поморье и хорошо сохранившихся и в начале

XXI века. В Нюхче до сих пор бытует «уличный устав» — прозвища представителей разных семей, восходящие, как предполагают исследователи, к именам или прозвищам родоначальников местных фамилий [Бернштам 1983: 24], а также объединяющая жителей сел по Поморскому берегу Белого моря система локально-групповых прозвищ и различные прозвищные нарративы (анекдоты, предания, рассказы). В этом ряду располагаются и музыкально-фольклорные тексты шуточных песен и частушек, высмеивающие жителей своего или соседних сел[23].

Система прозвищ жителей Поморского берега фиксирует их социальные отношения и формулирует локальную идентичность жителей разных сел. Характеристики, лежащие в основе ряда прозвищ, связаны со спецификой хозяйственных занятий жителей сел, особенностями расположения населенных пунктов. Негативные прозвища приписывают жителям сел различные грехи: неряшливость, запрещенные половые связи, воровство, осквернение церкви и др. В условиях исторически сложившейся системы разделения территорий промысла и при ограниченности природных ресурсов такие прозвища становились достаточно чувствительным обвинением. Вместе с тем прозвища и прозвищные нарративы репрезентировали локальную идентичность поморов и значимые для поморской культуры представления об эталонном поведении, противопоставлении жителей разных сел себя и «чужого»/соседа[24].

В интервью 2013 года исполнительницы приводят сразу ряд шуточных прозвищных песен, в которых молодежь высмеивала жителей села (они были названы информантами «складынями»). В том числе такие тексты могли содержать обсценную лексику. И «советское виноградье» вписывается в этот ряд фольклорных текстов, поддерживающих групповую идентичность нюхотской молодежи. «Советское виноградье» объединяло молодых людей, оказавшихся в определенной нетипичной ситуации. Это своего рода *песня «сообщества ситуации»*.

6. «Советское виноградье»: символическое послание власти

«Советское виноградье» — это, прежде всего, виноградье, созданное в советские годы. «Советское виноградье» — «нехорошее», «матюгливые частушки», «сто частушек в голове сложено», «складыня», похожая на прозвищные песни и частушки, — противопоставленное традиционному виноградью. Одно упоминание «советского виноградья» вызывает смех информантов: это обсценное виноградье и в традиции заставляет смущаться, а в общении с чужим — собирателем — тем более. Это запретные для женщин поэтические тексты, но исполнявшиеся и исполняемые ими в определенных контекстах[25].

При попытке систематизировать, что еще в Нюхче называли «советским», и имело ли это подобный «советскому виноградью» неоднозначный смысл, мы не нашли аналогов. Все другие выражения, такие как «советский колхоз», «советская власть», «советские песни» определяли только период бытования

[23] Так называемые географические песни о жителях соседних сел, как отмечает Н. В. Дранникова, выполняют важную семантическую и структурную функцию в традиции, так как бытование прозвищ «свидетельствует о речевой гомогенности сообществ ‹…› Система прозвищного фольклора поддерживает групповое единство» [Дранникова 2004: 279; см. также: 281–283, резюме].

[24] См. об этом, а также о шуточном перформансе поморского чаепития, основанном на представлениях о жителях соседних сел: [Ковыршина 2014].

[25] Напомним здесь высказывавшиеся информантками намерение выучить «советское виноградье» или «матюгливые» частушки, но только для поездки в Финляндию на фестиваль.

явления и не имели дополнительных, скрытых смыслов. И «советское» в виноградье не имеет пейоративного оттенка[26], но определенным образом характеризует отношение исполнителей к укладу жизни в советское время.

Представляется, что «советское виноградье» можно интерпретировать и в логике концепции символического сопротивления власти, разработанной американским социальным антропологом Джеймсом Скоттом. Скотт в своих работах анализирует формы протеста и консолидации угнетенных социальных групп в их противостоянии эксплуатации власть имущим. В монографии «Моральная экономика крестьянина. Бунт и выживание в Юго-Восточной Азии» на примере аграрных сообществ Скотт развивает понятие «моральной экономики» британского исследователя Эдварда Томпсона как системы экономических, социальных, политических и личных отношений в сообществах крестьян, необходимой для их выживания, и формы их взаимодействия с государством [Scott 1977]. В работе 1985 года «Оружие слабых» Скотт описал чрезвычайно изобретательные «традиционно-повседневные», «рутинные» практики сопротивления, неповиновения крестьян власти (исследователь цитирует в этой связи испанскую поговорку «подчиняюсь, но не повинуюсь») [Scott 1985]. К открытому противостоянию власти, бунту крестьяне приходили очень редко, гораздо чаще они вырабатывали систему морального и экономического сопротивления власти. При выраженном согласии выполнить приказ крестьяне прибегали к саботажу, увиливанию, хулиганству, проявляли «забывчивость», оттягивали выполнение заданий, насмехались над представителями власти, распускали сплетни и др. Действия их, выражающие недовольство властью, представляли различные формы символического сопротивления и часто имели вид «скрытых посланий», кажущихся странными поступков. Эти поведенческие практики ненасильственного сопротивления в авторитарных режимах, в которых открытое выражение протеста грозило репрессиями, Скотт назвал оружием слабых.

Итоги развития концепции символического противостояния власти Скотт подводит в монографии «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты» 1990 года, в которой суммирует наблюдения над низовыми практиками неподчинения подвластных социальных групп в разные исторические эпохи и в разных культурах мира, анализируя основания и причины господства, механизмы и стратегии сопротивления ему [Scott 1990]. Скотт вводит понятия публичных и скрытых транскриптов — посланий, сообщений. Публичные транскрипты используются в прямых взаимодействиях власти и подчиненных. Они наряду с различными действиями и ритуалами, выражающими одобрение власти, подтверждают ее легитимность и идеологическое господство. Скрытые транскрипты звучат вне непосредственного контакта с властью, за пределами публичного пространства [Scott 1990: 2, 4]. Они направлены против идеологического доминирования власти, выражают критическое отношение к ней «за ее спиной» (в форме шуток, жестов, слухов, театрализованных действий и пр.) и формируют пространство протеста и инакомыслия, скрытое от возможных репрессий. Если такие скрытые транскрипты начинают звучать открыто, это может свидетельствовать об изменениях в политической активности подчиненных и возможности бунтов, восстаний.

[26] Ср., например, как во времена новой экономической политики начала 1920-х годов советские граждане противопоставляли «хорошие» (металлические) деньги и «плохие», обесценивавшиеся, уничижительно именовавшиеся «бумажки советские» [Хаккарайнен 2013: 246, 252].

В логике концепции Скотта «советское виноградье» в качестве «оружия слабых» выполняло функцию символического послания власти, «скрытого транскрипта», выражавшего недовольство бездействием бригад на тонях в Нюхче — одним из множества примеров издержек неэффективного колхозного управления[27]. Это было своего рода фольклорное иносказание, игра со словами на традиционный напев, в которой нюхчанки выразили свои эмоции, несогласие с организацией их труда колхозным руководством. «Советское виноградье» как своеобразное карнавальное действо, — с заменой мужчин, как исполнителей обсценных частушек, девушками и текстов традиционного виноградья на «матюгливые» частушки вне календарных ритуалов, — оспаривало статусное и идеологическое доминирование власти[28] и поддерживало достоинство молодых поморов. Его трудно воспринимать как открытый протест. Только определение «советское» в соединении с «матюгливыми» частушками, вызывающими смех и неловкость во время исполнения в публичном пространстве, — тем более во время взаимодействий информантов с собирателями, — дает неблаговидную характеристику советской эпохе.

Нюхотское «советское виноградье» — вполне традиционное по набору составляющих элементов, принадлежности определенной половозрастной группе исполнителей, включенности в систему традиционных жанров и представлений поморов, нетипично по синтагматике элементов. Это «неправильное», неприличное виноградье «не на своем месте», тексты которого являются скрытым транскриптом символического сопротивления власти женщин/девушек, появившееся как реакция на «неправильные» с позиции традиционного жизненного уклада поморов рабочие ситуации в колхозе в 1940–1970-е годы.

Литература

Альбинский, В. А., Шумов, К. Э. (1995). Святочные игры Камско-Вишерского междуречья (публикация В. А. Альбинского и К. Э. Шумова). В А. Л. Топорков (Сост.; Ред.). *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, 223–225. М.: Ладомир.

Бернштам, Т. А. (1978). *Поморы. Формирование группы и система хозяйства*. Л.: Наука.

Бернштам, Т. А. (1983). *Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Этнографические очерки*. Л.: Наука.

Бернштам, Т. А., Лапин, В. А. (1981). Виноградье — песня и обряд. В К. В. Чистов, Т. А. Бернштам (Ред.). *Русский Север: проблемы этнографии и фольклора*, 3–109. Л.: Наука.

Дранникова, Н. В. (2004). *Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика*. Архангельск: Издательство Поморского университета.

Дуглас, М. (2000). *Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.

Козинцев, А. Г. (2007). *Человек и смех*. СПб.: Алетейя.

Ковыршина, Ю. И. (2007). Вызывание ветра в Западном Поморье. В *Художественный текст: явное и скрытое: Сборник научных материалов*, 72–78. Петрозаводск.

Ковыршина, Ю. И. (2014). Поморское чаепитие: конструирование «другого» как элемент культурной памяти. В О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, М. В. Ахметова, Н. В. Петров (Сост.). *Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа. Тезисы докладов Международной научной конференции*, 79–82. М.: РАНХиГС.

[27] Скотт в 2003 году проводил полевые исследования в российских селах, в том числе в Ленинградской области, и был удивлен столь длительной сохранностью совершенно неэффективной колхозной системы в России в XX веке [см.: Никулин, Наранович 2017].

[28] Скотт выделял три вида господства: материальное, статусное и идеологическое [Scott 1990].

Ковыршина, Ю. И. (2015). Закликания ветра в Западном Поморье. Режим доступа: https://www.culture.ru/objects/3368/zaklikaniya-vetra-v-zapadnom-pomore

Кулагина, А. В. (1995). Частушки в современных записях. В А. Л. Топорков (Сост.; Ред.). *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, 440–501. М.: Ладомир.

Лапин, В. А. (2010). Опыт определения музыкальных диалектов русских свадебных песен Белого моря. В Н. Е. Мазалова, И. Ю. Винокурова, В. А. Лапин, О. М. Фишман (Ред.). *«Уведи меня, дорога»: Сборник статей памяти Т. А. Бернштам*, 26–43. СПб.: Издательство Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук.

Логинов, К. К. (2010). Рыболовство поморского села Нюхча. В Н. Е. Мазалова, И. Ю. Винокурова, В. А. Лапин, О. М. Фишман (Ред.). *«Уведи меня, дорога»: Сборник статей памяти Т. А. Бернштам*, 54–69. СПб.: Издательство Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук.

Лурье, М. Л. (1995). Игры ряженых Торопецкого района Тверского области (публикация М. Л. Лурье). В А. Л. Топорков (Сост.; Ред.). *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, 202–222. М.: Ладомир.

Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций) (2011). Онега — Архангельск — М.: Товарищество Северного Мореходства.

Никулин, А., Наранович, С. (2017). «Главное — это жить, не имея дела с государством» (интервью с Александром Никулиным). Режим доступа: https://gorky.media/context/glavnoe-eto-zhit-ne-imeya-dela-s-gosudarstvom

Сороколетов, Ф. П. (Ред.), Марецкая, А. Ф., Попов, И. А., Порохова, О. Г., Царева, Л. И., Этерлей, Е. Н. (Сост.). (1979). *Словарь русских народных говоров. Выпуск 6: Выросток — Гон*. Л.: Наука.

Сороколетов, Ф. П. (Ред.), Балаханова, Л. И., Кузнецова, О. Д., Марецкая, А. Ф., Попов, И. А., Порохова, О. Г., Царева, Л. И., Этерлей, Е. Н. (Сост.). (1977). *Словарь русских народных говоров. Выпуск 12: Зубрёха — Калумаги*. Л.: Наука.

Успенский, Б. (1996). Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. В Н. Богомолов (Сост.). *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сборник статей*, 9–107. М.: Ладомир.

Хаккарайнен, М. (2013). «Еврейские деньги» в эпоху трансформаций: общество, власть, этничность в воспоминаниях о советском времени. *Антропологический форум, 2013*(18), 243–266.

Scott, J. C. (1977). *The moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.

Scott, J. C. (1985). *Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance*. New Haven: Yale University Press.

Scott, J. C. (1990). *Domination and the arts of resistance: Hidden transcripts*. New Haven: Yale University Press.

References

Albinsky, V., Shumov, K. (1995). Christmastide games of the Kama-Visher interfluve (publication by V. Albinsky and K. Shumov). In A. Toporkov (Ed.). *Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folk theatre. Charms. Riddles. Ditties,* 223–225. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Bernshtam, T. (1978). *The Pomors. Formation of the group and economy system.* Leningrad: Nauka. (In Russian).

Bernshtam, T. (1983). *Russian folk culture of Pomorye in the 19th — early 20th centuries. Ethnographic essays.* Leningrad: Nauka. (In Russian).

Bernshtam, T., Lapin, V. (1981). Vinogradie - the song and the rite. V K. Chistov, T. Bernshtam (Eds.). *Russian North: Problems of ethnography and folklore,* 3–109. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Drannikova, N. (2004): *Local group nicknames in the traditional culture of Russian North. Functionality, genre system, ethnopoetics.* Arkhangelsk: Izdatel'stvo Pomorskogo universtiteta. (In Russian).

Douglas, M. (2000). *Purity and danger. An analysis of concepts of pollution and taboo.* Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russian).

Hakkarainen, M. (2013). "The Jewish money" in the age of transformation: Power, society, ethnicity in recollections of the Soviet times. *Forum for Anthropology and Culture, 2013*(18), 243–266. (In Russian).

Kozintsev, A. (2007). *Man and laugh.* Saint Petersburg: Aleteya. (In Russian).

Kovyrshina, Yu. (2007). Invocations of wind in West Pomorye. In *Literary text: Explicit and implicit: Research materials,* 72–78. Petrozavodsk. (In Russian).

Kovyrshina, Yu. (2014). Tea drinking in Pomorye: The construction of the "other" as an element of cultural memory. In O. Khristoforova, D. Antonov, M. Akhmetova, N. Petrov (Compl.). *Cultural memory mechanisms: From folklore to media. Abstracts of presentations in the International scientific conference,* 79–82. Moscow: RANKhiGS. (In Russian).

Kovyrshina, Yu. (2015). Invocations of wind in Western Pomorye. *Kultura.rf.* Retrieved from https://www.culture.ru/objects/3368/zaklikaniya-vetra-v-zapadnom-pomore (In Russian).

Kulagina, A. (1995). Ditties in contemporary records. In A. Toporkov (Ed.). *Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folk theatre. Charms. Riddles. Ditties,* 440–501. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Lapin, V. (2010). An experience of identifying musical dialects of Russian wedding songs in the White Sea region. V N. Mazalova, I. Vinokurova, In A. Lapin, O. Fishman (Eds.). *"Take me away, road": Articles in memory of T. Bernshtam,* 26–43. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo Rossijskoj akademii nauk. (In Russian).

Loginov, K. (2010). Fishing in the Pomorian village of Nyukhcha. In N. Mazalova, I. Vinokurova, V. Lapin, O. Fishman (Eds.). *"Take me away, road": Articles in memory of T. Bernshtam,* 54–69. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo Rossijskoj akademii nauk. (In Russian).

Lurie, M. (1995). Mummers' games in Toropetsky district of Tver Oblast (publication by M. Lurie). In A. Toporkov (Ed.). *Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folk theatre. Charms. Riddles. Ditties,* 202–222. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Nikulin, A., Naranovich, S. (2017). "The main thing is to live while having nothing to do with the state" (interview with Alexander Nikulin). *Gorky.Media.* Retrieved from https://gorky.media/context/glavnoe-eto-zhit-ne-imeya-dela-s-gosudarstvom/ (In Russian).

Not a century to live — a century to remember. Folk culture of Poonezhie and Onega Pomorye (based on materials from the Onega expedition)(2011). Onega–Arkhangelsk–Moscow: Tovarishchestvo Severnogo Morekhodstva. (In Russian).

Scott, J. (1977). *The moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia.* New Haven: Yale University Press.

Scott, J. (1985). *Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance.* New Haven: Yale University Press.

Scott, J. (1990). *Domination and the arts of resistance: Hidden transcripts.* New Haven: Yale University Press.

Sorokoletov, F. (Ed.), Maretskaya, A., Popov, I., Porokhova, O., Tsareva, L., Eterley, E. (Compl.). (1979). *Dictionary of Russian folk dialects. Volume 6: Vyrostok — Gon.* Leningrad: Nauka. (In Russian).

Sorokoletov, F. (Ed.), Balakhanova, L., Kuznetsova, O., Maretskaya, A., Popov, I., Porokhova, O., Tsareva, L., Eterley, E. (Compl.). (1977). *Dictionary of Russian folk dialects. Volume 12: Zubrekha — Kalumagi.* Leningrad: Nauka. (In Russian).

Uspensky, B. (1996). Mythological aspect of Russian expressive phraseology. In N. Bogomolov (Compl.). *The anti-world of Russian culture. Language, folklore, literature. A collection of articles,* 9–107. Moscow: Ladomir. (In Russian).